

В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ ГОРОДЕ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Марат Юсупов

**Журнал «Рассказы». В
темном-темном городе**

«Крафтовая литература»

2026

Юсупов М.

Журнал «Рассказы». В темном-темном городе / М. Юсупов —
«Крафтовая литература», 2026 — (Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6055168-2-8

В этом выпуске всё происходит в знакомых декорациях города или деревни. И оттого волнительнее события наполняющих его историй. За будничными улицами, лестничными площадками, остановками, пустырями и дворами возникает тревожное чувство неправильности. Это проза о тихом страхе, который подкрадывается не из фантазии, а из самой повседневности. Это проза о беспомощности, притягивающей тьму. О том, как жаркий летний день обернется тихим кошмаром, от которого невозможно укрыться. Пять мрачных мистических рассказов.

ISBN 978-5-6055168-2-8

© Юсупов М., 2026

© Крафтовая литература, 2026

Содержание

Мамы не лгут	6
Кое-что о беспомощности и тьме	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**В темном-темном городе.
Крафтовый литературный
журнал «Рассказы», выпуск 44**

Авторы: Матвей Юджинский, Роман Голотвин, Алексей Гибер, Владислав Миронов,
Марат Юсупов

© Издательство «Крафтовая литература», 2026

Мамы не лгут

Матвей Юджинский

Душевая шторка была задернута. Привычно, в который раз. Только Рома совсем не желал к такому привыкать. Да, она сушится, и это правильно, но не каждый же день. Однако Маша забиралась в ванну почти ежедневно. Вымыть голову, подмыться, освежиться после сна, ополоснуться после фитнеса и, конечно, искупаться в пенной или аромаванне: Маша не жалела на это времени никогда. И это тоже было правильно – для ее здоровья, красоты и мира в их паре. Вот только...

Казалось, исключительно Рома и натыкался на этот занавес – темно-синий, шуршащий, отсекающий половину и без того крохотной ванной комнаты. Сам он, принимая душ, шторкой не пользовался, наоборот, сдвигал ее назад к стене. И делал это снова и снова, потому что Маша то ли забывала, то ли не успевала до него.

После года жизни под одной крышей выходило это у него уже на автомате. Он переступал порог и, прежде чем шагнуть к раковине или стиральной машине, брался за шторку и отбрасывал ее к стене. Сам-то при этом в ванну лезть и не собирался. Просто так становилось легче. Легче дышать, легче думать. Рома списывал все на то, что при задернутой занавеске комната будто ужималась и теснота неприятно давила. Хотя раньше никаких намеков на клаустрофобию у себя не замечал.

Шторка была задернута и теперь. Рука привычно потянулась к ней. И замерла на полпути. Рому парализовало, враз он покрылся холодным потом. Волоски привстали на руке, и он убрал ее, так и не коснувшись шторки.

От сердца отлегло. Почему – не знал, понимал лишь, что чуть не сотворил непоправимое.

Шагнул к раковине, настроил воду, согрел ладони. Умыться, позавтракать – и на работу. Все как всегда. Кроме шторки. Темно-синяя, непроницаемая, она нависала за спиной, теснила, как наглый, самодовольный верзила-хулиган. Как и всегда, хотелось отдернуть ее, впустить пространство, воздух, свет. Но от одной этой мысли сердце срывалось в бег. Рома отказывался это анализировать, продолжая умываться.

Раньше, когда он жил здесь с мамой, никаких проблем с душевой занавеской не было. То ли потому, что мама редко оставляла ее расправленной, то ли потому, что занавеска висела другая – светлая, с дельфинчиками. Он купался с ними с детства – чего их бояться?

Новую, тяжелую и темную, купила Маша. Она вообще много чего купила в первый месяц взамен старого. Придверный коврик, пледы на кресла и диван, постельное белье, держатель для туалетной бумаги, сковородку. Позже, правда, энтузиазм поутих. Рома выдохнул, хотя, казалось, не имел ничего против. А затем, пару недель назад, Маша впервые обмолвилась о переезде – их совместном, ею спланированном.

Рома чистил зубы и в отражении зеркала видел шторку. С университетских лет, когда спать ложился поздно, а вставал рано, он заимел привычку чистить зубы с закрытыми глазами, будто таким образом можно урвать еще пару минут сна. Но сейчас сомкнуть глаза не мог. Как антилопа на водопое, спиной ощущал угрозу. Чувство было странное, глупое – ну какая угроза от лоскута ПВХ? Но именно оно, похоже, и заставляло всякий раз отдергивать шторку. Не она сама внушала тревогу, понимал Рома, а то, что может за ней скрываться.

Покинул ванную он, так и не притронувшись к занавеске, однако по пути в гимназию перестал этим мучиться. Ну, сложит ее в этот раз Маша (в кои-то веки!), разве стоит из-за этого терять аппетит? Уже жалел, что пожертвовал завтраком. Несъеденный омлет, правда, захватил на работу.

Четвертый год он преподавал алгебру и геометрию у средних классов. Дело это ему нравилось. Уравнения, функции, теоремы, формулы – четыре всадника порядка среди хаоса. Рыцарем царицы наук Рома служил едва не полжизни, хотя при первом знакомстве дико невзлюбил. Но мать насильно окружила его бесконечными строчками вычислений, и, как он часто шутил, сработал стокгольмский синдром. В университете, однако, пришлось признать, что научную работу он не потянет: мозги плавились, перегорали, и на развилке между психдиспансером и пединститутом Рома выбрал второе. С поникшей головой пошел по родительским стопам.

Но было то около девяти лет назад, сейчас же его все устраивало. Гимназия в десяти минутах ходьбы от дома, в меру адекватный коллектив, зарплата, если с факультативами, неплохая. Из минусов только редкие буйные ученики. Но и против них имелось проверенное средство – уроки правильного поведения от директрисы Веры Павловны. В свои годы Рома и сам прошел эту школу воспитания: мать всю жизнь работала учителем и десять лет назад заслуженно стала директором гимназии.

Три урока были позади, в перерыве Рома умял омлет, добавив сверху два кусочка ватрушки: Рая Семеновна, учительница истории, снова угощала выпечкой. Рома уже не пытался вникать, по какому поводу – чьи-то именины или, наоборот, сорок дней, может какой очередной церковный праздник. Остался последний на сегодня урок – геометрия у восьмого «А». Рома любил вторник именно поэтому: приятно заканчивать рабочий день в обществе смысленных и усердных учеников.

У кабинета его поймала мама. После пары-тройки дежурных фраз Вера Павловна спросила:

- Ну, что Маша?
- Маша? На работе.
- Ну, Ром, ты же понял.

Она улыбнулась. При своей должности Вера Павловна любила ярко-красную помаду. Женщиной она была высокой и плечистой, предпочитала брючные костюмы и короткие стрижки.

- Ну мам, все решится, не наседай.
- Рома вошел в аудиторию. Мать последовала за ним.
- Девочка передумала?
- Ну пока думает, это нормально, взвесить все «против» и «против».

На самом деле Маша уже все придумала: куда переехать, где жить, сколько платить и чем зарабатывать.

– Ну что ей все-таки не нравится? Квартира у тебя есть. Трехкомнатная, и не где-то на отшибе. Ну, хочется как у подружек, так можно же ремонт, пожалуйста. Зачем переезжать?

- Мама, заканчивай.

У Ромы занял живот. Омлет – это не еда, но вчера Маша так ничего и не приготовила.

– Да я и не начинала, – на какую-то сотую долю Вера Павловна повысила голос. Многим ученикам этой сотой хватало, чтобы прикусить язык.

- Вот и не продолжай.

Рома отвернулся и стал вычищать губкой и без того белоснежную маркерную доску. Мама молчала. Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге замер, вмиг одеревенев, восьмиклассник Юсин Максим.

- Извините, – буркнул он и с осторожностью сапера прикрыл дверь.
- Мам, урок, – обернулся Рома.
- Вера Михайловна нахмурилась и шагнула к выходу.
- И ты тоже уедешь? С ней?

– Ну ничего ж не решено, а ты все заладила.
– А будет решено – уедешь, да? – Казалось, она сейчас пустит слезу.
– Да куда я? Отсюда – куда? Куда я от тебя? – абсолютно искренне выдал Роман. И было в этом и облегчение, и какая-то потаенная горечь.
Мать улыбнулась и вышла.

Квартира встретила тишиной, каким-то молчаливым упреком. Маши не было. Рома понял это, перешагнув порог. Обычно на кухне свистел чайник или гудела микроволновка: Маша освобождалась из аптеки на час-полчаса раньше, он приходил к ужину. Обычно, но не всегда.

Рома обошел комнаты: Маши действительно не было, шторка в ванной снова висела расправленная. Он решил было, что жена после работы быстро перекусила, приняла душ и убежала на встречу с подругами. Почему нет? Или на маникюр. Вот же занавеска – привычно сушится. Но тут он вспомнил утро, неприятное и странное утро, вспомнил, что сам же и оставил шторку в таком положении.

Маши не было здесь.

Осталась во вторую смену, сделал вывод Рома. И такое случалось, ждать ее дома теперь только после девяти. Потому он вымыл руки – не в ванной, тут же, на кухне, – и поставил на газ кастрюлю для пельменей.

С Машей он познакомился в аптеке, у нее на работе. Было это уже больше двух лет назад. В то время ему приходилось бегать туда едва ли не каждую неделю: сильно болела бабушка, и мать гоняла его за всеми возможными пилюлями, о которых вычитала в сети или услышала от знакомых. Бабушка, правда, все больше отмахивалась, мешала таблетки со своими отварчиками и зельями, посмеивалась над дочкой – возможно, предчувствовала. Месяца через три она ушла.

К этому моменту у Ромы с Машей сложились теплые отношения. Она встречала его уже не просто дежурной улыбкой, искренне интересовалась самочувствием бабушки, откладывала для него необходимые лекарства, которые бывали в дефиците, звонила, когда они поступали. А Рома покупал только у нее. Поначалу это было лишь совпадение, но дальше он приходил в аптеку исключительно в ее смены. Из-за этого случались ссоры с матерью: она ждала его с таблетками, а он врал, что забыл, не успел, что лекарства не было, хотя на самом деле просто у Маши был выходной. А дальше, чтобы сделать ей приятное, Рома стал докупать сверх маминого заказа что-то по акции – делал Маше план по продажам. Она это прочитала, и их взаимная симпатия окрепла.

Незадолго до бабушкиной смерти Рома пригласил Машу на свидание, но оно так и не состоялось. Пускай болезнь бабушки не отступала, старушка не выглядела безнадежной, сохраняла разум, какие-то силы, оттого ее уход показался неожиданно резким. Рома внезапно осознал, что все это время она не шла на поправку, а умирала, и все это время его мысли были почти всегда о Маше. Бабуля страдала, мучилась страхами, а он ходил счастливый, улыбался, флиртовал. Чувство вины выбило почву из-под ног, он сообщил Маше печальную новость и соврал, что будет занят похоронами.

Все сорок дней он обходил аптеку стороной, жутко боялся, что мама каким-то образом узнает его секрет. Не отвечал на звонки, Маша позвонила дважды, потом написала, что соболезнует. Бабушку похоронили со всеми почестями, если можно так сказать. Укором стал закрытый гроб: Рома не смог взглянуть на нее в последний раз, попросить прощения. Поминали тоже достойно, по всем правилам, сытно и теплыми словами. А затем время ускорилося. Жизнь потекла своим чередом, будни приглушили вину. Рома понял, что Маша все еще в его мыслях. И когда на исходе второго месяца мама вновь послала в аптеку, он решил попытать удачу. И судьба подарила ему второй шанс.

Выпуск новостей подходил к концу, близился десятый час, но Маши по-прежнему не было. Рома покрутил в руках телефон, но звонить не стал. Нет, не вторая смена, решил он, все-таки встреча с подружками и совместная ночевка. Конечно, наверняка она его предупреждала, а он забыл или пропустил мимо ушей. И душевая шторка это подтверждала: сушилась после того, как Маша забежала принять душ. Можно было ложиться спать, и Рома направился в ванную почистить зубы.

Занавеска не шелохнулась, когда распахнул дверь. Вновь толкнуло отдернуть ее, но Рома насильно усмехнулся. От глупой привычки пора было избавляться. Пока работал щеткой во рту, поглядывал, как утром, в зеркало – на шторку за спиной. Тут уже был бессилён. В какой-то момент шагнул назад, припал к занавеске. Прислушался.

Дотянулся до крана, выключил воду. Вернулся, замер.

Тонкая шторка стала стеной. Плотной, массивной. Не стеной даже, а водной глыбой, которая не обрушилась еще, а уже закупорила уши. Или это кровь прилила к голове. С зубной щетки скользнула капля и разбилась о пол бесшумно. Рома ткнул в шторку: легкая, тонкая. Обыкновенная. И такая же обычная тишина была за ней.

Заныла спина. Рома поймал себя, что все это время стоял согнувшись, сжавшись. Он выпрямился и шагнул к раковине. С противным хлопком подошвы отлипли от кафеля. Взглянул было снова в зеркало, но силой отвернулся, пустил воду.

Высушив лицо и руки полотенцем, покинул ванную, щелкнул выключателем, задумался...

Решил прикрыть дверь. За миг до того, как она захлопнулась, в ванной тихо булькнуло. Рому прошибло потом. Он плотнее прижал дверь и, хлюпая по линолеуму, поспешил в спальню.

Спал плохо. Часто просыпался: казалось, в ванной шуршит шторка. Словно кто-то в ней запутался или играет, двигая туда-сюда. Наутро обнаружил ее все в том же задернутом виде. Подошел, прислушался. А в голове ни единой мысли «зачем?». Пусто. За шторкой тихо. И в голове – тихо. Не потому, что говорить не о чем, просто незачем. А за шторкой – пусто?

– Ну и молчи, – прошептал Рома и отвернулся к раковине.

Ополоснул лицо. Поспешил – забыл, что нужно потерпеть пару минут, чтобы горячая стала горячей, – и кожу обожгло холодом. Но так даже лучше. *Так* даже лучше. Так лучше.

Взглянул в зеркало. Лицо скривилось в отвращении. Отражение никогда не показывало, что нужно. «Подойди к зеркалу и посмотри, кто дурак», – повторяла мама, когда в детстве он не мог решить уравнение или задачу. Почему-то он считал, что это относится именно к детству, хотя память услужливо подсказывала, что в последний раз он слышал такое, когда признался, что, кажется, нашел будущую жену. Потом уже, после знакомства с Машей, мама, конечно, извинилась. И даже спустя полгода предложила влюбленным съехаться – сама она, мол, и так планировала переехать, пожить для себя.

Рома переборол желание плюнуть в отражение, отвел взгляд. И дернулся. За спиной картинка сменилась. Как?

Он обернулся. Секунду не понимал, в чем перемена. Как антилопа, что моргает на зеленые заросли. Они все такие же зеленые или где-то выползла тень?

А затем лицо запылало. Занавеска! Ее край сдвинулся на десяток сантиметров от стены.

Рома закрутил кран и медленно выплыл из ванной. Ноги привели на кухню, но он сразу понял, что в горло и кусок не полезет. Поэтому минут десять просидел, стараясь не расплакаться, затем пошел собираться в гимназию.

По сути, он ведь ничего такого и не увидел. В этом самом зазоре. Чуть больше кафельных плиток – и все. Да и откуда у него уверенность, что этого зазора не было изначально?

– Рома, погоди! – окликнули его, едва он отошел от дома метров двести.

«Маша!» – вспыхнуло в голове, и на миг стало легко, свободно. Но остановила его Настя, ее коллега и подруга. Та самая, которая любила повторять: «Твой пришел», – когда он забегал к ним в период их с Машей аптечного романа.

– Привет, – сказал он и понял, что дрожит.

– Слушай, с Машей все в порядке?

– Что? А разве... – Рома осекся. То есть никакой ночевки у подруг не было?

– Она на звонки не отвечает, вчера на работу не пришла.

– Во вторую?

– В смысле?

– Во вторую смену?

– Да ее вообще не было. Ты что, тоже ее не видел?

Хотелось исчезнуть. Хотелось остановить время и хорошенько подумать.

Остановить время и подумать? Такое уже было. Казалось, совсем недавно он уже желал этого. Что-то стряслось, и требовалось быстрое решение. И это были не диффуры или устный счет... Замедлить время и придумать, выкрутиться. А лучше – отмотать время назад.

Рома завис. Получалось, Маши не было ни в аптеке, ни дома, и у подруг она не гостила. А он... Он не мог вспомнить, когда видел ее в последний раз. Вчера? Позавчера? Она принимала душ! Ведь шторка была расправлена, и до сих пор... Он позвал ее в кино, это был выходной. У нее тоже. А дальше...

– Рома, ты чего? – постучалась Настя.

– Боже, прости. – Он попробовал улыбнуться. Хотелось сбежать. В голове что-то щелкнуло, и он выдал: – Прости, в общем, Маша не хотела никому говорить... У нее умерла бабушка, она уехала на похороны.

Настя раскрыла было рот, но нахмурилась.

– Вернется и все объяснит. Извини, тороплюсь.

– Но...

Рома отвернулся и поспешил прочь.

С уроками сразу не задалось. Если шестому «В» рассказать о дробях кое-как на автомате вышло, то дальше он решил не рисковать. На оставшихся трех уроках объявлял самостоятельные работы. Справедливости ради, следить за тем, чтобы недовольные «сюрпризом» ученики не списывали, даже не думал. Занимало другое: про бабушку он выдумал или просто забыл? Маша была родом из небольшого села на юге республики, и если ее бабушка в самом деле умерла, то ей действительно пришлось бы уехать из города. Это все объясняло.

Вот только как он мог забыть? Хотя... В памяти мелькнули билеты. Маша купила билеты. Рома зажмурился, будто еще мгновение – и они возникли бы прямо перед глазами. Он подскочил, ужаленный холодом в сердце. Опрокинул стул. Ученики попрятали телефоны и замерли, боясь поднять головы. Но Рома, вероятно к всеобщему удивлению, не побежал по рядам, а вышел из аудитории.

На перемене его снова поймала мать.

– Что с тобой? – спросила со своей двухметровой высоты.

– Ты о чем, мам?

– Это на тебя не похоже.

– Да господи, просто внеочередная проверка, как усвоен материал, уже нажал...

– Ты о чем, сына?

– А ты о чем?

– Число сегодня какое? – Мать нависла над ним, совсем как в детстве.

– Восьмое.

– И чего не поздравляешь?

Рома потряс головой. Этот беспорядок, что множился в ней, уже сводил с ума.

– Нет, ты, похоже, сегодня точно не выспался, и дыхание несвежее. – Она сощурилась. – Чего вы там с Машенькой отмечали? Уезжаете все-таки?

– Ничего мы не отмечали, мам, и я уже сто раз...

– Да я же шучу, Ромик, шу-чу. Ну чего, не вспомнил? Ну, юбилей же, двадцатая годовщина развода с твоим папашей.

– Господи, кто-то серебряную свадьбу отмечает, а ты... Я уже давно забыл о нем, а ты каждый год напоминаешь.

Мать усмехнулась:

– Годовщину свадьбы отмечает тот...

– Кто ни разу не разводился. Да, помню.

– Вот. Ну...

– Поздравляю, мам, это было одно из лучших твоих решений.

– Именно.

– Ты молодец, и спасибо тебе за все, что ты мне дала и даешь.

У нее проступили слезы, она широко улыбнулась и приобняла его. Смущаться этого Рома перестал еще в первый год работы, да и в гимназии уже никто не обращал на это внимания.

– И все-таки ты сегодня не в лучшем виде. Не заболел?

– Нет, мам, просто не позавтракал.

– Как? – Она округлила глаза.

– Маша тут ни при чем.

– А я разве что-то сказала? У тебя ведь последний? – Она кивнула на кабинет, у которого толпился восьмой «Б».

– Да.

– Ну вот. Значит, обедать будем у меня, накрою праздничный стол. Думаю, Машенька не обидится.

У матери были заготовлены пюре с куриными ножками, крабовый салат, пицца и сметанник – всё, чему в детстве Рома был особенно рад. А еще отрепетирована тирада о том, каким отец был неудачником и лжецом. Вприкуску с ее желчью любимые блюда обычно казались не такими вкусными. Но не в этот раз – Рома был голоден, он увлеченно жевал, вдыхая ароматы счастья, и молча кивал на все колкости в адрес папашки.

У мамы в квартире действительно пахло потрясающе – покоем, уютом, спасением. Рома четко это осознал, когда вернулся к себе. Едва захлопнул дверь, разулся, как учуял неладное. Чужой запах, совсем не такой, как у мамы. Не такой, каким был всегда. Каким-то образом этот чужой дух проник в квартиру.

Пару минут Рома просто стоял, точно посреди минного поля, все еще не уверенный, что это реальность. Запах не был явным, удушающим и бьющим в нос. Еле слышный, как щелчок мины, когда не понимаешь: ужасное уже случилось или, может, пронесет? И все-таки Рома его чуял, словно рецепторы, улавливающие по-настоящему мерзкие и пугающие запахи, научены эволюцией узнавать их при малейшем дуновении.

Рома попытался сообразить, вспомнить, не выкидывал ли в мусор что-то просроченное, не оставил ли на столе что-то, что могло испортиться. А следом понял, что и прислушивается. Дверь в ванную находилась в трех метрах и была распахнута. Он ждал – и страшился – шороха шторы.

Сердце стучало. Полный желудок заныл, просился наружу крайний кусочек пиццы. Рома придержал дыхание. Однако минуты прошли, а ни единого звука не последовало. Тишина. Понятная, нормальная. Но в то же время означавшая, что Маша так и не вернулась. Тут же стало стыдно, что он до сих пор не позвонил ей, не узнал, где она, что с ней. Живот скрутило, и Рома побежал в туалет.

К вечеру было ясно: это не мусор и не стухшая еда. В какой-то момент, блуждая по комнатам, Рома догадался приняться к себе. Запах мог быть и вовсе не чужим, а его собственным. Сколько он уже не ходил в душ? Потер в подмышках, почесал в паху – от пальцев несло. Рома вонял. А еще потные ноги и грязная голова.

И почему не помылся у матери? Странно, что она сама его не отправила, не затолкала под душ. Не учуяла?

Рома обреченно поплелся в ванную. Чем ближе подходил, тем, казалось, сильнее становился запах. Он менялся, словно тело от волнения истекало каким-то особым зловонным потом. Или это в раковине забился сток. Или в самой ванне. Волосы, грязь, сырость, всё вместе давало гниль. А может, крыса сдохла. Рома слышал, что эти твари, бывает, выползают из канализации.

Минуту всматривался в зазор между стеной и краем шторки.

Как будто бы стал больше... Стал шире настолько, что и голова туда пролезет. Это сквозняк, потоки воздуха при открытии-закрытии двери. Вот шторка и сдвинулась, чуть сместилась. Или даже проще – всего лишь угол зрения другой...

Однако Рома не спешил подходить, сдвигать шторку и лезть в ванну, чтобы смыть всю грязь и ужас последних дней. И часть сознания искренне не понимала почему. Что происходит? Это ведь занавеска, не стена! Смахнуть ее – одно движение, секунда. Другая часть молчала. Она свинцом налиwała ноги, разгоняла сердце, пускала по пальцам, холодным и липким, дрожь.

Наконец Рома взорвался. «Какого черта!» – грянуло в голове.

Он шагнул к ванне, протянул руку к краю шторки.

Из-за шторки протянули руку тоже. Рома заметил тень. Ощутил ветерок. Почувствовал подушечками пальцев острое ледяное прикосновение.

И заорал. Он отпрыгнул. Дернул рукой, словно обжегся. И ударился о стиральную машину. Вытер ладонь о штаны и вылетел из ванной. Шторка шелохнулась. Легкое волнение прошло по ней.

Рома захлопнул дверь, вдавил ее плечом. И с криком «Чушь!» пнул по ней. Сбегая, он поймал свое лицо в зеркале: оно было испуганным. Но не непонимающе испуганным, а обреченно. Та, вторая, молчаливая часть шепнула правду. И шторка уже не могла ничего сдержать. Как, впрочем, и дверь.

Желудок подпрыгнул, Рома рванул в туалет, где его вывернуло наизнанку.

Ночью пришла Маша. Она была в своем белом аптечном халате с бейджиком. Рома обрадовался, засиял, готов был кричать и расплакаться. Покаяться в слезах. Но едва раскрыл рот, как онемел: Маша скинула халатик.

Голая и бледная в лунном свете, она стояла над ним, лежащим в постели. Он вспомнил кожей ее тепло и горячее дыхание, вспомнил ее запах, то блаженное, трепетное чувство, когда они сжимали друг друга в объятиях.

Маша легла на него, раздвинула ноги, и член сам проник в нее. Внутри было тепло, но сама Маша оказалась холодной. Совсем не двигалась, он делал все сам. Хотел ее согреть, но ощущал, что его тепла не хватает. Наоборот, оно покидало его.

Маша молчала. С ее слипшихся волос капало. Каждая капля – как ледяная игла. Затем она прижалась, сдавила Роме грудь, волосы упали ему на лицо. Влажные живые пряди оплели его, мешали вдохнуть, вползая в ноздри и рот. Рома в ужасе понял, что руки не слушаются.

А внизу приятной негой растекалось удовольствие. Толчок, еще один – и мурашечной волной оно побежало по телу. Рома испугался. Это было неправильно! Мерзко!

Дыхание перекрыло. Он задыхался от волос и вони. Сердце сжал холод.

Маша задрожала, вскинула голову в немом вопле. Вместо стоны послышалось бульканье и отрывистый рык. Маша согнулась, разинула рот и изверглась зловонной жижей.

Рома подскочил в кровати то ли с криком, то ли с шумным вдохом. Весь взмокший, скользкий и больной. Горло пересохло, нос втягивал тяжелый, порченный воздух. Сердце билось о ребра. А в трусах было мокро и липко.

Он хотел лечь обратно, но за окном уже рассвело. Посмотрел на часы и выругался. Он опаздывал. Времени не оставалось даже умыться. Мелькнула мысль: какая глупость это опоздание и эта школа, всё-всё-всё уже не имеет смысла. Встала комом в горле, но он силком ее проглотил, запрятал. Собираться утром на работу было нормальным, понятным, и он уцепился за это.

Чистых трусов в ящике для белья не оказалось. Рома кинулся было к корзине с вещами на стирку, но та стояла ровнехонько у ванны, под краем шторы, и он плюнул. Стер остатки спермы грязными трусами, скомкал и кинул в угол спальни. Натянул брюки прямо так.

В гимназию прибежал весь в мыле. До начала первого урока оставалось четыре минуты, он трусил по коридору в учительскую, когда внезапно, как головой в перекладину влетел, вспомнил, что сегодня ему ко второму. Утер пот с лица, скрипнул зубами, а затем рассмеялся. Смех, правда, закончился слезами, и ему пришлось спрятаться в туалете.

Влиться в будничную жизнь, чтобы отвлечься, оказалось невозможным. Коллеги заметили перемену сразу. Большинство старалось не подавать виду. И только физик Игорь Петрович, полный, лысоватый любитель водолазок, обронил: «Что, Роман Верыч, бурная ночь?» Рома в учительской не задерживался, становилось дурно от косых взглядов, шепотков, его сторонились, и он был уверен, что из-за запаха.

Ученики, заходя в класс, округляли глаза, забывали здороваться. Рома называл номер параграфа, который им следовало изучить самостоятельно, и перечень задач по теме и выходил гулять по пустым коридорам. Но и тут не мог успокоиться, казалось кто-то уже доложил директору, и мама не заставит себя ждать.

Однако рабочий день подошел к концу, а ни погромов в классах, пока он отсутствовал, ни общественного осуждения от коллег, ни тяжелого разговора с матерью так и не случилось. Мать он за день не встретил внезапно ни разу. И когда эти мелкие, глупые страхи потеряли силу, Рома вновь остался наедине с собой, с той своей частью, которая знала правду – Маша не вернется, а шторм рано или поздно придется распахнуть.

Домой не хотелось, но идти было некуда, и ноги сами повели по выученному маршруту. Была на этом пути и модная кафешка, где должно было состояться их первое свидание, которое так прошло там позже; был и фонарь, лампочка в котором перегорела как раз в тот момент, когда они на пятой встрече потянулись друг другу для первого поцелуя – и он тоже все ж таки случился.

Маша однажды сказала Роме, что с его мозгами и увлеченностью ему стоило бы заняться программированием. Он обещал подумать. В другой раз высказалась, что ему полезно будет встретиться с отцом, расспросить обо всем, что его мучает. Он обещал подумать. И насчет переезда в столицу тоже. Время, ему нужно было время. Маша ждала. Маша допустила ошибку, не желала ее замечать, оттого – это очевидно любому математику – красивого и правильного решения не получалось. Рома понимал: он и есть эта ошибка.

Был на этом пути – точнее, оказался впервые – и полицейский «бобик». У самого подъезда. Рома замер. Разом взмок под одеждой.

Да ведь он и сам бы пришел, ему просто нужно время...

Или теперь? Может, вот сейчас. Какое время, зачем? Разве сможет он дальше жить?

Рома уверенно направился к УАЗу.

Но что он скажет? Не заглянул же за штору. И что тогда он может знать? Маша в своем селе, бабушка у нее умерла, вот и все!

Нет, это у него умерла бабушка. Вот где правда. Бабушка, из-за которой все это и завертелось.

Рома подошел к машине, поднял руку, чтобы постучать в окошко.

В кабине никого не было. И он задышал. Вдохнул шумно и свободно. Закружилась голова, и едва не подкосились ноги. Пусто! Нет никого! Значит, не время.

Домофон запиликал, железная дверь распахнулась.

– Да сам я, начальник, – произнесли прокуренным голосом.

С одеревеневшей шеей Рома кое-как обернулся и, стараясь не бежать, направился прочь. Ребята-полицейские вели к «бобику» грозного, в наколках и кровоподтеках, мужика, закованного в наручники.

Едва завернул за угол, Рома побежал. Кровь гнала его, устоять не мог. Неизвестно, как далеко убежал бы, если б не догадался нырнуть в супермаркет. Там, блуждая между рядами, он долго не мог отдышаться. Потом расплакался. Люди сторонились его, некоторые прикрывали нос, но теперь ему было все равно.

Несколько часов он еще плутал по району, пока на телефон не пришло сообщение от матери: «Ты где пропадаешь? Пришла в гости, какой же у вас бардак, ужас!» Тут только заметил два пропущенных от нее. Сердце его рухнуло в бездну. Он устоял на ногах, а затем рванул домой.

С порога рухнул на колени.

– Мама! Мама! – позвал.

Вера Павловна показалась из кухни, напугалась и кинулась к нему:

– Ты чего?

– Я убил ее. – Он заплакал.

– Что? Что ты такое несешь?

– Я не хотел. Случайно. Это несчастный случай, мам!

Она встряхнула его:

– Ну, говори же!

– Маша... она в ванной. Неужели ты не видела? Разве ты не чувствуешь?

– Маша?

Мама обернулась к запертой двери в ванную.

– Мы хотели сходить в кино. Она, естественно, стала готовить себе ванну. Привести себя в порядок типа. Ты же ее знаешь. Я полез в наш ноутбук. Купил билеты в кино. Нужно было на почту зайти. Проверить, что они пришли. А Маша... Она... она не вышла из своего ящика, и я увидел... Мама, она уже купила билеты в Москву! Нам! Обоим!

– Так я же гово...

– Мам, конечно! Да, да, мам, ты была права. Ты же понимаешь, я сильно испугался. Ну куда я вот так сразу? Куда вот от работы, от родного дома? Куда я от тебя вот так сразу? Я испугался, а потом мне стало... Я разозлился. Я как будто бы... как будто выключился. Как это говорят?... Типа пелена перед глазами, мам, я просто сорвался. Типа какого черта! Вззяла, сука, и все сама решила! С какой, сука, стати?! Я! Я же сказал! Вместе решим! Нужно время! Она наплевала! Она думает, самая умная. Думает, всё лучше всех, сука, знает! Знаешь, что она сказала?

Вера Павловна замотала головой.

– Сюрприз. Она сказала, сука, сюрприз! Я ударил ее. Не смог, я... я... Я не смог сдержаться. Просто пощечина. Но она... Не знаю... Как это?... Она споткнулась типа, налетела на край ванны и упала. Ударилась затылком – и в ванну. Просто упала в воду. Я ушел, чтобы... чтобы не сделать еще чего-нибудь, чего-то более ужасного... Мам, я ведь не знал, что она задохнется! Я не мог знать! Я не знал. До сих пор не знаю, как это могло произойти. Это... Это... случайность, я не хотел. Я ведь не хотел.

Мама обняла Рому, прижала к себе. Сразу стало легче.

Боже, какой ужас он пережил. Как было страшно, тяжело. Невыносимо. Но вот он сказал всё, произнес вслух. Больше не надо себя обманывать, прятать, утаивать.

Рома плакал, уткнувшись маме в плечо. Она поглаживала его по спине. Пахло детством, ванилью и чистящим средством. Когда слезы кончились, выровнялось дыхание, мама подняла его с колен, усадила на обувную тумбу и стала снимать с него ботинки.

– Ромик, дорогой, это очень больно, я понимаю. В тебе говорит обида, разочарование. Это сильные чувства, нечего спорить...

Она стянула с него куртку, забрала шапку и шарф. Оставила их в шкафу. Затем взяла за руку и повела... к ванной.

– Настолько сильные и болезненные, что проще выдумать, что этого не случилось, придумать что-то другое, даже куда более страшное.

– Мам, ты о чем? Не с-совсем п-понимаю, – выдавил Рома.

Мама открыла дверь в ванную, и он отвернулся, сморщился, задержал дыхание.

– Ромик, что с тобой? Успокойся.

– Мам, зайди сама, я не могу. Посмотри. За шторкой.

– Рома, посмотри на меня. Я рядом, все будет хорошо.

Рома послушался. Вдохнул, задышал. Воняло не было. Того жуткого запаха гниющего тела больше не было. Мама зачем-то распылила весь баллончик освежителя. Как будто это может что-то исправить...

Мать завела его в ванную. Шторка висела нетронутой. Тонкой границей между спасительным неведением и неминуемым безумием. Мелькнула мысль: будет ли мама кричать, когда все увидит? Проклянет или останется с ним до конца?

– Маша тебя предала, – продолжала мама. – Это сложно выдержать. Тем более впервые. Я тебя прекрасно понимаю, сынок. – Она подтолкнула его к ванне. – Но это не повод выдумывать такие страшилки, Ром. Бедненький ты мой. Казнить себя, обвинять во всех грехах – это не выход.

– Но, мам... – прошептал Рома.

И в этот момент она спокойно сдвинула шторку.

Он хотел зажмуриться, но не успел. И лишь поэтому увидел кристальную белизну.

– Как? – вырвалось у него.

Ванна была пуста и абсолютно чиста. Какие только кошмарные картинки он не представлял себе по ту сторону шторки, что только не уместилось в этой роковой ванне! И эта неожиданная пустота, это неоспоримое ничто просто лишили его речи, мыслей и веры в реальность.

Мать повернула его лицо к себе, обхватила ладонями.

– Сынок, услышь меня и пойми: Маша бросила тебя и улетела в Москву. Одна или с кем-то – не знаю, но без тебя. Понимаешь? Она жива, никого ты не убивал.

– Но...

Он хотел мотнуть головой, но она не дала.

– Поверь мне, сынок, ты все выдумал. Такое бывает, не смог выдержать боли. Послушай! Вот такой ванну я и нашла, когда пришла сегодня сюда. Я не обманываю, ничего в ней не было. И никого.

– П-правда?

– Конечно, Ромик. – Она улыбнулась. – Так что Машу ты не убивал, это она тебя... чуть не довела.

– Но я ведь помню... – Рома задумался. – Все так четко. Я сам не хотел верить, отмахивался, прятал, прятал глубоко, но неужели...

– У тебя слишком большое воображение, дорогой. – Мама погладила его по волосам. – Но реальность такова, что я ничего не нашла, никаких мертвецов в этой ванне не было. Или, может, ты успел перепрятать труп? – закончила она с улыбкой.

И он тоже усмехнулся:

– Нет, господи, нет. – Подумал немного, признался: – Знаешь, мне было о-о-очень страшно.

– Какой же ты дурачок, ей-богу! Теперь все позади. Все будет хорошо.

Рома кивнул. Хотелось смеяться. И в груди поселилась какая-то невероятная легкость.

– А сейчас давай-ка раздевайся. Сколько ты уже не мылся? Грязнуля, несет от тебя, как от десяти бомжей.

Он рассмеялся:

– Прости.

Скинул вещи, залез в ванну.

Мама настроила воду, вооружилась душевой лейкой и стала его поливать. Совсем как в детстве.

– А потом чай с творожной запеканкой. Недавно в духовку поставила, как раз ко времени будет. – Мама нежно гладила его. – Нормально вода?

Рома кивнул. Она направила лейку на голову, стала массировать.

– Голову помоем и избавим ее от твоих дурацких мыслей, да?

Он снова кивнул с улыбкой.

Затем она оставила лейку.

– И этой гадости нам тут тоже не надо. – Вцепилась в шторку, дернула раз, дернула два, дернула три. Шторка сорвалась с колец. Вера Павловна скомкала ее и швырнула прочь из ванной.

Мама натирала Роме спину мочалкой. Тщательно, усердно. Он говорил, где чешется особенно, где потереть еще раз. Было приятно, тепло и спокойно, совсем как в счастливые, беззаботные времена. Он думал о горячем чае и вкуснейшей запеканке. И умело глушил ненужные вопросы, что по инерции еще рождались в голове: «Почему, например, Маша улетела и не забрала при этом свои вещи? Почему, если все хорошо, не отвечает на звонки подруг? Почему...»

Медленно он отгораживался от этих «почему» светлой, радужной, с озорными дельфинчиками, шторкой. Имелся уже в этом некоторый опыт. А повторение – мать учения. Учиться он любил. А как иначе с такой мамой, учителем всей его жизни.

Кое-что о беспомощности и тьме

Роман Голотвин

Перед отделом кадров на диванчике сидела девочка лет шести. Баюкала на руках игрушечного медвежонка, потертого и выцветшего. Платье выглядело новым, а медвежонок старым. И еще странно было видеть в Главке МВД ребенка, но Леша Коротков особо не удивился. Начальство жило на работе, и дети здесь тоже бывали часто. Удивило, скорее, то, что ребенок сидел не в приемной или кабинете, а в коридоре у отдела кадров, где, как известно, натуральный проходной двор. «Может, кто-то забежал ненадолго?» – машинально подумал он, подходя к дверям и глядя на часы. Обед еще не кончился, но через час с автостанции уходит последний автобус на Митнево, и если он не поторопится, то поедет на перекладных и доберется только к ночи. Леша вздохнул, дважды стукнул в дверь и решительно вошел.

В отдел кадров он исправно ездил уже полгода, забирал результаты аттестаций, писал заявления на распределение, болтал за жизнь с начальником, который всегда радовался пообщаться с молодежью. Сегодня полковника Вострюкова на месте не было, зато в кресле восседал его зам, товарищ подполковник Сеницын, очень любивший обращение по форме и люто ненавидевший нарушающих обеденный перерыв. Леша коротко вздохнул и приготовился к отповеди, но Сеницын, вместо того чтобы отчитать молодого лейтенанта, вдруг ухмыльнулся.

– А вот и наш орлик. Садись оформляться, лейтенант.

Коротков не понял. Оформляться полагалось в случае выхода прямого приказа, который сам по себе был как Дед Мороз: все про него слышали, но приходил он вечно к кому-то другому. Леша сел, пронаблюдал, как Сеницын выкладывает перед ним документы. Последним лег сверху бланк приказа. Печать уже стояла на подписи начальника главка, а значит, никакого розыгрыша, все на самом деле. За какие заслуги?

Леша влажными от волнения пальцами взял приказ. Пробежал глазами и вздрогнул. Подмосковье?

– Подмоск-о-о-овье, – с каким-то придыханием подтвердил подполковник Сеницын, – чуешь, чем пахнет? Почти столица!

Ондохнул на Короткова чесноком и котлетой, только что съеденной из баночки. Баночка эта, с оборванной этикеткой, на которой угадывалась надпись «Огурчики марино...», стояла пустая за спиной подполковника на сейфе.

– Кузьмовский район, доверие тебе оказали, можешь выдохнуть и собирать вещички.

Леша о районе таком не слышал, но покивал. Назначения он не боялся и давно хотел самостоятельности, но не был готов вот так, с разбега... А тут что-то нереальное, вместо очередной комиссии – сразу приказ. На столицу не надеялся, для этого нужен совершенно космический блат, поэтому какой-то там Кузьмовский район смотрелся вполне нормальной стартовой точкой. Какая разница, где «служить и защищать»?

– Тем лучше, – подполковник припечатал кадровой синей печатью направление и принялся ловко штамповать все остальные листы. Печать защелкала, пришивая Короткова к новой жизни. – Свежий человек, свежий взгляд, сразу вскрыешь все язвы, порядок наведешь. Главное ведь в твоей работе что?

– Что? – напрягся Леша.

– Быстро разобраться в людях, криминальных элементов под контроль, потенциальных хулиганов к ногтю, сразу выявить сочувствующих, тех, кто будет помогать в работе.

Леша смотрел на жирное пятно на кителе у подполковника Сеницына, и ему было немного смешно все это слушать. Он даже улыбнулся, но когда поднял глаза – наткнулся на суровый взгляд пожилого кадровика.

– Ржете... – сказал Сеницын, глядя сквозь него и явно имея в виду всю молодежь, пришедшую в полицию за последние годы. – Жизни не нюхали и ржете...

Пахло от него по-прежнему котлетами и немного носками, так что Коротков еле сдержался и, проглотив улыбку, вскочил и мужественно кивнул:

– Молодой и бестолковый, товарищ подполковник! Там с меня спесь собою и жизни научат! Разрешите идти?

Кадровик сердито и с сожалением смотрел на него снизу, не вставая. Потом подровнял и выложил документы перед лейтенантом.

– Кузьмовский – непростой район, – пожевав губами, сказал он, – трое участковых удрали уже, пол-отдела попереводились кто куда. Удержишься – честь тебе и слава. Или вечная память. – Тут он не выдержал и загоготал, глядя на вытянувшееся лицо Короткова. – Шагай, лейтенант. И язык свой укороти. Не способствует карьере.

Леша вышел в коридор. На диванчике уже никого не было, только лежал забытый медвежонок.

* * *

Почти всю дорогу до Кузьмовска Леша спал, иногда стучаясь виском о запотевшее стекло пазика. Снились ему родители, но как-то странно, будто он уезжал от них навсегда, и батя, ярый атеист, зачем-то перекрестил его, а мама рядом стояла и все пела дурацкую песню про чумачечую весну, а машина все не ехала, и в кармане оказалось пусто, ни документов, ни денег, и кто-то дернул машину и он проснулся. Вытер слюни и ошалело огляделся.

Песня про чумачечую весну орала из магнитолы водителя. Пазик, теперь уже почти пустой, все так же слегка завывая, трясся по раздолбанной дороге. Сухонькая бабуля подпрыгивала с корзинками впереди, а через два места от нее сидела парочка. Девчонка спала, а парень прижимал ее к себе, и было видно, как ему неудобно, но он терпел и на каждом ухабе ударялся локтем о поручень. Из неплотно закрытой задней двери дуло сыростью и начинающейся осенью. Леша поправил кепку, пожегся, застегнул под горло формовку и поплотнее прижал к себе спортивную сумку с вещами.

По всему выходило, что приедет он затемно и неизвестно где будет ночевать, потому что ключи от служебной квартиры ему, скорее всего, никто ночью не выдаст. Сразу вспомнились железные кровати в военной части, колющие одеяла и запах хлорки из коридора. Это ведь тогда он и решил, что надо определяться – куда расти. Или в армии всегда так плющит, что гражданка кажется какой-то недостижимой иной реальностью? Нет, просто тогда повесился Сашка Штурмовой. Сержанты довели его, а сами отмазались, и в итоге никого даже не наказали. Начальство заткнуло всем рты. Это было жутко несправедливо, хотелось всех там передушить голыми руками. Не передумал, конечно.

Додумать мысль не успел. Водитель врезал по тормозам и крутанул рулем, бабушку швырнуло вперед вместе с корзинками, девчонка свалилась на пол, и парень не успел ее поймать, потому что сам вывалился в проход. Пазик развернуло, и он замер, двигатель заглох, сразу стало слышно дождь, барабанивший по крыше. С воплем водитель выскочил из кабины.

Коротков, едва удержавшийся на сиденье, пробежал по салону, помог бабуле подняться и рывком отжал пассажирскую дверь. На улице дождь сразу облепил лицо, словно водяная взвесь не падала сверху, а только и ждала – кто первый выйдет. Тощий, небритый дядька-водитель вылез из-под автобуса и стоял, растерянно оглядываясь.

– С-с-с... стояла же посреди дороги, – сказал он жалобно, – откуда вылезла – непонятно... не было же никого...

Он жалобно посмотрел на Короткова и вслух сказал такую длинную непечатную фразу, что даже Алексею стало неловко. Он сгреб водителя за шкирку и притиснул к холодному, мокрому борту.

– Что видел?

– Девонька, махонькая, прямо посередь дороги стоит и смотрит, будто не видит ничего, – испуганно забормотал, затараторил водитель вполголоса, справедливо опасаясь, что его услышат в салоне. – И не было ее, отвлекся на миг, радио погромче сделать, а она вот, стоит... Я тормозить, крутанул руля, но скорость же, ушла под бампер прямо... А вылез – нет никого...

– Ну-ка дыхни! – сквозь зубы скомандовал Коротков.

– Х-х-ха! – Водитель дохнул табаком и нечищенными зубами. – Не чудится мне. Предрейсовый сегодня Зинка проводила, у нее не забалуешь...

Алексей отпустил его воротник, прошелся вокруг машины, видя озадаченные лица пассажиров в окнах, внимательно осмотрел асфальт.

– Ладно, – сказал он наконец, – поехали, после поговорим.

До отдела полиции Кузьмовска он добрался, когда сумерки напозлали на городок. Синеватая темнела, дождь кончился, в стылом воздухе огни окрестных домов казались теплыми леденцами, пахло мокрыми листьями, кошками и дымом. Через дорогу от полиции, у ларька, молодежь впятером пинала какого-то мужика, Коротков бодро расшугал их и помог ему подняться. Пахло от того бомжом, но не сильно, а, скорее, намекаяще. Алексей месяц подрабатывал в ночлежке, и этим запахом удивить его или шокировать было сложно.

– Что не поделили-то, отец? – проворчал он.

– Шалопай, – беззлобно прокряхтел мужик, размазывая кровь из разбитого носа по бороде и отряхиваясь, – поспорили по поводу одного места из блаженного Августина. Ерунда, если подумать...

Он благодарно похлопал Короткова по плечу и зигзагами побрел вглубь дворов, что-то проверяя в карманах. Из ларька выскочила голенастая некрасивая девица и, сердито зыркнув на Алексея, ушагала, прижимая к себе пакет с продуктами и пряча сигареты в карман джинсовки.

Коротков пожал плечами, посмотрел в низкое, темное небо и пошел сдаваться.

Дежурный с красными глазами быстро проглядел документы, поцокал языком, что, мол, поздно приехал, начальство разъехалось уже, и предложил поспать в тире, в подвале.

– Там все равно нет никого, зато есть топчанчик и одеяла. А завтра мы тебя аккуратно пристроим по всей форме. Ночами тут лучше не гулять без табельного, а тебе его сдавать придется все равно. Мож, хоть шокер прикупишь потом... – И, словно спохватившись, что брякнул лишнего, добавил: – А пока, брат, иди в душ, вот тебе ключ от раздевалки. Захочешь чаю – приползай, нальем.

Так этот длинный, бестолковый день переезда и закончился – ничем. После крепкого, сладкого чая и несмешных анекдотов Коротков спустился в тир уже сонный, отправил эсэм-эску маме и быстро улегся, натянув одеяло до носа. Кисло пахло невыветривающимся запахом пороха и пыли, и шуршали всю ночь за стрелковыми таблицами мыши.

Когда его, сонного, растолкал сменившийся дежурный, солнце лупило в окна отдела, в здании былолюдно и шумно. Коротков плохо запомнил все хождения по этажам и бесконечные анкеты, тесты и разговоры. С удаленностью от столицы на формальности смотрели сквозь пальцы, поэтому он освободился уже через пару часов и побыстрее покинул отдел полиции, получив табельный мажаров и указание вечером сдать его обратно. Так спешил поскорее начать знакомство со своими владениями, что не обратил тогда внимания ни на очередь в коридоре, ни на толпу во дворе.

Городок оказался совсем небольшой. Старенький Дом культуры, пустой рынок, несколько ларьков на площади возле стелы защитникам Москвы от немцев. Улицы его участка только на карте смотрелись короткими, а на деле растянулись, заросли боярышником и кленами. На три-пять частных домиков обязательно попадалась обшарпанная хрущевка, окруженная огородами и садами. Лужи, убитый асфальт на центральной дороге, бродячие собаки и стылый ветер, поднимающий сухую листву. На такой райцентр приходилось всего четыре участков, причем двое из них захватывали еще и домики на отшибе. Сам город тоже казался «на отшибе», унылый, грязный и запущенный. Не украшал его и новый микрорайон с девятиэтажками и гаражами, на редкость серый и неприглядный. К полудню Коротков обошел свой подведомственный участок лишь по периметру и погустрел.

«Ладно, ладно... Мало ли где люди живут, – говорил он себе, изучая накопившиеся за три месяца заявления в опорном пункте. – Они ж не виноваты, что здесь родились... Так, стоп, что тут, вообще, творится? Начальство оборзело вконец? Ну нет участкового, людей мало, кого волнует-то? За три месяца полторы сотни заявлений – и никто не рассматривает... Прокуратуры на вас нет! Сроки все повыходили, а они валят и валят».

Заявления были разные – хулиганство, кража мобильного, легкие телесные – все как везде. В чем сложность за три дня раскидать? И что уж такого здесь стряслось, что трое участковых сбежали отсюда со всех ног? А... понятно. Дети пропали год назад, не нашли.

Коротков изучал поручения следователя своему сбежавшему коллеге и диву давался. Искать и не думали, будто смирились. Впрочем, всех документов он не видел, но по поручениям понял, что не рвались раскрыть. А, вот, кстати, убийство. По пьяни, как водится, ну да. Пропавший без вести, дважды судимый. Не нашли.

Не разгибаясь, он просидел за компьютером до темноты и все время не мог отделаться от ощущения, что кто-то смотрит на него через окно с улицы. Штор на окнах опорного пункта не водилось, и никто в окна, конечно, не смотрел, но когда наконец Алексей вышел в сумрак улицы и побрел сдавать табельное оружие, ощущение взгляда в спину не пропало, а только усилилось.

Ночью в служебной квартире спалось ужасно, от старого дивана воняло, комната ощущалась высохшим аквариумом, и хотелось не просто открыть форточку, а распахнуть окна и отдышаться от затхлой духоты. Коротков накинул куртку и пошел на улицу. Подышал, глубоко втягивая сырой, холодный ночной воздух. Пахло дымом, где-то топили печь.

Через несколько минут он все-таки замерз и собрался возвращаться, но замер. Что-то большое мелькнуло справа. Закрыло фонарь вдалеке и снова открыло. Сначала это показалось ему обманом зрения. Огни, дома, фонари, все, что по правую руку от подъезда, вдруг начало уходить в темноту. Словно кто-то шел и гасил весь свет, тащил огромную черную штору. Звук от наступающей темноты был неприятный, гудящий, как от неоновой рекламы, если близко стоять. Ближе, ближе... Черная волна сожрала дом, докатилась до крыльца, Коротков, машинально вздохнув, задержал дыхание... И тут все кончилось. Проступили в темноте огни окон, дома, силуэты деревьев. Черная волна покатила дальше, гудение стало тише и смолкло совсем.

Не лезло это уже вообще ни в какие ворота. Алексей сплюнул на асфальт, показал в ночное небо средний палец и пошел в квартиру. Пахло после этой волны почему-то маринованными огурцами.

Квартира от предыдущего участкового ему досталась неаккуратная, невеселая и почти пустая. Все грязное, старое и чужое. Первое, что сделал Алексей, – ободрал обои, намыл окна, выкинул рухлядь. Продавленный диван тоже выкинул, зато купил матрас и повесил напротив него на серой стене деревянное черное распятие. Так больше напоминало квартиру Расти

Коула из «Настоящего детектива». В бога Коротков не верил, но на распятие иногда посматривал и размышлял о злобе человеческой, способной довести вот до таких вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.